

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2020 №4 (25)

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2020

Издание основано в 2007 г.

Учредитель: ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

Главный редактор:

П. К. Дашковский, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Редакционная коллегия:

С. А. Васютин, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)

Н. Л. Жуковская, доктор исторических наук (Россия, Москва)

А. П. Забияко, доктор философских наук (Россия, Благовещенск)

А. А. Тишкин, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Н. А. Томилов, доктор исторических наук (Россия, Омск)

Т. Д. Скрынникова, доктор исторических наук (Россия, Санкт-Петербург)

О. М. Хомушку, доктор философских наук (Россия, Кызыл)

М. М. Шахнович, доктор философских наук (Россия, Санкт-Петербург)

Л. И. Шерстова, доктор исторических наук (Россия, Томск)

А. Г. Ситдиков, доктор исторических наук (Россия, Казань)

Е. А. Шершинева (отв. секретарь), кандидат исторических наук (Россия, Барнаул)

Редакционный совет журнала:

Л. Н. Ермоленко, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)

Ю. А. Лысенко, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Л. С. Марсадолов, доктор культурологии (Россия, Санкт-Петербург)

Г. Г. Пиков, доктор исторических наук, доктор культурологии (Россия, Новосибирск)

А. К. Погасий, доктор философских наук (Россия, Казань)

К. А. Руденко, доктор исторических наук (Россия, Казань)

С. А. Яценко, доктор исторических наук (Россия, Москва)

А. С. Жанбасинова, доктор исторических наук (Казахстан, Усть-Каменогорск)

Н. И. Осмонова, доктор философских наук (Кыргызстан, Бишкек)

Н. Цэдэв, кандидат педагогических наук (Монголия, Улан-Батор)

Ц. Степанов, доктор исторических наук (Болгария, София)

З. С. Самашев, доктор исторических наук (Казахстан, Астаны).

Журнал утвержден научно-техническим советом Алтайского государственного университета и зарегистрирован Комитетом РФ по печати.

Свидетельство о регистрации ПИИ № ФС 77–78911 от 07.08.2020 г.

Все права защищены. Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Журнал подготовлен при поддержке РНФ «Религия и власть: исторический опыт государственного регулирования деятельности религиозных общин в Западной Сибири и сопредельных районах Казахстана в XIX–XX вв.» (проект № 19-18-00023).

Адрес редакции: 656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66,
Алтайский государственный университет, кафедра религиоведения России,
национальных и государственно-конфессиональных отношений.

© Оформление. Издательство
Алтайского госуниверситета, 2020

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2020 №4 (25)

NATIONS AND RELIGIONS OF THE EURASIA

Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2020

The journal was founded in 2007

The founder of the journal is Altai State University

Executive editor:

P.K. Dashkovskiy (doctor of historical sciences)

The editorial Board:

S. A. Vasutin, doctor of historical sciences (Russia, Kemerovo)

N. L. Zhukovskay, doctor of historical sciences (Russia, Moscow)

A. P. Zabiyaiko, doctor of philosophical sciences (Russia, Blagoveshchensk)

A. A. Tishkin, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)

N. A. Tomilov, doctor of historical sciences (Russia, Omsk)

T. D. Skrynnikova, doctor of historical sciences (Russia, Saint-Petersburg)

O. M. Homushku, doctor of philosophical sciences (Russia, Kyzyl)

M. M. Shakhnovich, doctor of philosophical sciences (Russia, Saint-Petersburg)

L. I. Sherstova, doctor of historical sciences (Russia, Tomsk)

A. G. Sitdikov, doctor of historical sciences (Russia, Kazan)

E. A. Shershneva (resp. secretary), candidate of historical sciences (Russia, Barnaul)

The journal editorial Board:

L. N. Yarmolenko, doctor of historical sciences (Russia, Kemerovo)

U. A. Lusenko, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)

L. S. Marsadolov, doctor of Culturology (Russia, St. Petersburg)

G. G. Pikov, doctor of historical sciences, doctor of cultural studies (Russia, Novosibirsk)

A. K. Pogassiy, doctor of philosophical sciences (Russia, Kazan)

K. A. Rudenko, doctor of historical sciences (Russia, Kazan)

S. A. Yatsenko, doctor of historical sciences (Russia, Moscow)

A. S. Zhanbosynov, doctor of historical sciences (Kazakhstan, Ust-Kamenogorsk)

N. I. Osmonova, candidate of philosophical sciences (Kyrgyzstan, Bishkek)

N. Cedev, candidate of pedagogical sciences (Mongolia, Ulaanbaatar)

Ts. Stepanov, doctor of historical sciences (Bolgariy, Sofiy)

Z. S. Samashev, doctor of historical sciences (Kazakhstan, Astana)

Approved for publication by the Joint Scientific and Technical Council of Altai State University.

All rights reserved. No publication in whole or in part may be reproduced without the written permission of the authors or the publisher. Registered with the RF Committee on Printing.

Registration certificate PI № ФС 77–78911. Registration date 07.08.2020 г.

The journal was prepared with the support of the RSF grant on “Religion and power: the historical experience of state regulation of religious communities in Western Siberia and neighboring regions of Kazakhstan in the XIX–XX centuries” (project № 19-18-00023).

Editorial office address: 656049, Barnaul, ul. Dimitrova, 66, Altai State University, Department of regional studies of Russia, national and state-confessional relations.

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

- Руденко К. А.* Клады эпохи Волжской Булгарии на Старо-Куйбышевском археологическом комплексе в Татарстане: состав, датировка, интерпретация.....7
- Дашковский П. К.* Кочевые народы Центральной Азии эпохи Средневековья в исторических исследованиях российских ученых второй половины XIX — начала XX в.34
- Нарудцева Е. А., Радовский С. С., Серегин Н. Н.* К вопросу о значении полевых исследований Э.М. Медниковой в развитии археологии Алтая.....50
- Серегин Н. Н.* Археология раннесредневековых тюрок Центральной Азии: основные этапы исследований и интерпретации комплексов65
- Папин Д. В.* Проблемы этнокультурного взаимодействия населения степного и лесостепного Алтая в период поздней бронзы80

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

- Кожа М. Б., Балтабаева А. Ю.* Туркестанская легенда о Ноевом ковчеге на вершине горы Казыкурт87
- Гундова О. Е.* Российская интеллектуальная элита XVIII — середины XIX в. об экономике казахов98
- Лысенко Ю. А.* Процесс возвращения беженцев — участников Туркестанского восстания 1916 г. из Китая органами советской власти в 20-е гг. XX в.112

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

- Дробышев Ю. И.* Монгольский хаган как сын Бога.....123
- Шерстюков С. А.* «Раскрепощение» мусульманских женщин в Центральной Азии: стратегии сопротивления и способы адаптации (1920–1930-е гг.) 148

- ДЛЯ АВТОРОВ** 161

CONTENT

Section I

ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY

<i>Rudenko K. A.</i> Treasures of the era of the Volga Bulgaria at the old kuibyshev's archaeological complex in Tatarstan: composition, dating, interpretation	7
<i>Dashkovskiy P. K.</i> The nomadic nations of Central Asia of the Middle ages in historical research of russian scientists of the second half of XIX — early XX century archeology and etno-kultural history	34
<i>Narudtseva E. A., Radovsky S. S., Seregin N. N.</i> To the question of the importance of field research of E. M. Mednikova in the development of archeology in Altay	50
<i>Seregin N. N.</i> Archeology of the early medieval turks of Central Asia: main stages of research and interpretations of the complexes	65
<i>Papin D. V.</i> Problems of ethnic and cultural interaction of the population steppe and forest-steppe Altai in the late bronze age.....	80

Section II

ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY

<i>Kozha M. B., Baltabayeva A. Yu.</i> Turkestan legend of Noah's ark on top of mount Kazygurt	87
<i>Gundova O. E.</i> Russian intellectual elite of the XVIII — middle of XIX centuries about the economy of the kazakhs.....	98
<i>Lysenko Y. A.</i> The process of returning refugees –participants of the Turkestan uprising of 1916 from China by the organs of Soviet power in the 1920s of the 20 th century	112

Section III

RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

<i>Drobyshev Yu. I.</i> Mongolian khagan as a son of the God.....	123
<i>Sherstyukov S. A.</i> “Emancipation” of muslim women in Central Asia: strategies of resistance and ways of adaptation (1920s–1930s)	148

FOR AUTHORS	161
--------------------------	-----

УДК 94 (47) +94 (574)

DOI: 10.14258/nreur(2020)4-07

О. Е. Гундова

Министерство образования и науки Алтайского края, Барнаул (Россия)

РОССИЙСКАЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ЭЛИТА XVIII — СЕРЕДИНЫ XIX В. ОБ ЭКОНОМИКЕ КАЗАХОВ¹

В статье анализируются оценки российской интеллектуальной элиты XVIII — середины XIX в. экономической деятельности казахского народа. Актуальность работы обусловлена слабой изученностью хозяйственно-экономической деятельности казахов как неотъемлемой составляющей процесса восприятия населения степи российскими чиновниками, учеными и путешественниками рассматриваемого периода в историографии.

На данный процесс оказывали влияние несколько факторов: политические и социально-экономические изменения в казахском обществе, явившиеся результатом российской политики в регионе, доминирование философии Просвещения в мировоззрении имперских интеллектуалов. В рассматриваемый период оценки хозяйственной деятельности населения степи не были статичны и непрерывно эволюционировали. Если в начале XVIII столетия экономика казахского народа виделась наблюдателям только как скотоводство и мена товаров, то в середине XIX в. она оценивалась очевидцами как совокупность скотоводства, земледелия, рыболовства, отходничества, торговли. Помимо диверсификации видов экономической деятельности казахов, российскими наблюдателями отмечалось социальное расслоение казахского общества и появление новых социальных категорий населения.

Ключевые слова: казахская степь, образ степи, образ казахов, присоединение Казахстана к Российской империи, политика Российской империи в Казахстане, русско-казахские отношения, межэтническое восприятие.

¹ Статья выполнена при поддержке гранта Президента РФ для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации (НШ 2693.2020.6 проект «Государственное регулирование социальных процессов в Центрально-Азиатском регионе России имперского и советского периодов»).

O. E. Gundova

Ministry of Education and Science of the Altai Krai, Barnaul (Russia)

RUSSIAN INTELLECTUAL ELITE OF THE XVIII — MIDDLE OF XIX CENTURIES ABOUT THE ECONOMY OF THE KAZAKHS

The article analyzes the assessments of the Russian intellectual elite of the XVIII — the middle of XIX centuries of the economic activity of the Kazakh people. The relevance of the work is due to the poor study of the economic and economic activities of the Kazakhs as an integral part of the perception of the steppe population by Russian officials, scientists and travelers of the period under consideration in historiography.

This process was influenced by several factors: political and socio-economic changes in Kazakh society, resulting from Russian politics in the region, the dominance of the philosophy of the Enlightenment in the worldview of imperial intellectuals. During the period under review, the assessments of the economic activity of the steppe population were not static and evolved continuously. If at the beginning of the 18th century the economy of the Kazakh people was seen by observers only as cattle breeding and the exchange of goods, then in the middle of the 19th century it was assessed by eyewitnesses as a combination of cattle breeding, agriculture, fishing, seasonal work and trade. In addition to diversifying the types of economic activity of Kazakhs, Russian observers noted the social stratification of Kazakh society and the emergence of new social categories of the population.

Keywords: Kazakh steppe, image of the steppe, image of Kazakhs, accession of Kazakhstan to the Russian Empire, policy of the Russian Empire in Kazakhstan, Russian-Kazakh relations, interethnic perception

Гундова Ольга Евгеньевна, магистр зарубежного регионоведения, старший инспектор сектора информационной политики и связей с общественностью отдела мониторинга, анализа и прогнозирования Министерства образования и науки Алтайского края, Барнаул (Россия). **Адрес для контактов:** olga.gundova13@gmail.com

Gundova Olga Evgenievna, Master of Regional Studies, Senior Inspector of the Information Policy and Public Relations Sector of the Monitoring, Analysis and Forecasting Department of the Ministry of Education and Science of the Altai Krai, Barnaul (Russia).

Contact address: olga.gundova13@gmail.com

В современной историографии образ казахской степи и ее населения в российской общественной мысли XVIII — середины XIX в. стал предметом нескольких исследований, однако в них делается акцент на восприятии русскими путешественниками степи как «чуждого» пространства, а ее жителей как «диких разбойников» [Сухих, 2007; Файзуллина, 2014; Горбунова, 2019]. Вместе с тем хозяйственно-экономическая деятельность казахов как составляющая восприятия их российской общественностью исследователями почти не освещена.

На процесс перцепции российскими путешественниками представителей других народов в XVIII — середине XIX в. оказывали влияние устойчивые ментальные конструкции, выполнявшие роль «посредника» между наблюдателем и наблюдаемой им реальностью [Куприянов, 2006: 127]. В рассматриваемый период такой установкой являлась просветительская картина мира. В соответствии с ней россияне признавали культурное многообразие народов империи и оценивали уровень их развития, располагая на условной цивилизационной шкале. Если просвещение (как эталонный уровень развития знаний) являлось точным мерилем степени развития наций, то относительная степень просвещения непросвещенного этноса определялась такими признаками, как пища, половые отношения и отношение к земле (т. е. хозяйственно-культурный тип) [Слезкин, 2005: 127–133].

Помимо ментальных конструкций, на восприятие экономической деятельности казахского народа на наблюдателей оказывали влияние политические и социально-экономические изменения в казахском обществе, вызванные российской политикой в Степи. Конец XVII — начало XVIII в. в России характеризуется активизацией внешней политики на юго-восточном направлении. С этого времени и до середины XIX в. она характеризовалась закреплением военных позиций государства сначала в приграничной с казахской степью зоне, а затем и на собственно ее территории. В течение XVIII столетия был возведен ряд крепостей, составивших Иртышскую, Колывано-Кузнецкую и Бухтарминскую укрепленные линии [Лысенко, Анисимова, Тарасова, Стурова, 2014: 102]. Экономическая политика России в казахской степи определялась торговыми интересами империи, нуждавшейся в новых рынках сбыта и заинтересованной в развитии торговли с государствами Средней Азии и Индией. Казахской степи отводилась роль «врат» в среднеазиатский регион [Сулейменов, Басин, 1981: 28–37], что явилось одной из причин включения в 1730–1740-х гг. Младшего и Среднего казахских жузов в состав Российской империи.

С этого времени в России начало формироваться представление об экономической деятельности казахского народа. Прежде всего наблюдатели фиксировали, что основой экономической деятельности казахов выступало кочевое скотоводство. Так, А. И. Тевкелев считал, что «онье орды кочевныя, хлеба не пашут, а довольствуютца скотом» [История Казахстана, 2005: 91]. Именно скот, по мнению путешественников, выступал в качестве главной статьи вывоза из степи и являлся самым востребованным казахским товаром на российском рынке. Сама торговля казахов с соседними народами носила меновый характер [История Казахстана, 2005: 388; Кирилов, 1830: 314]. Отметим, что в первой половине XVIII в. исследователи ничем не объясняли преобладание кочевого скотоводства в экономике казахского народа, а только лишь фиксировали его. Что касается иных видов экономической деятельности, то очевидцы свидетельствовали о набегах кочевников на российское приграничье с целью грабежа и захвата пленных для их последующей продажи [Татищев, 2012: 20–21]. Таким образом, на момент присоединения казахского этнорегиона к России экономика казахов оценивалась имперскими интеллектуальными кругами как основанная исключительно на скотоводстве с неразвитыми товарно-денежными отношениями.

Причиной формирования столь расплывчатого образа степи, на наш взгляд, явилась крайне низкий уровень знаний имперской элиты об экономике новых территорий.

В первой половине XVIII в. изучение казахской степи и ее населения было обусловлено конкретными интересами и потребностями российской внешней политики. Накопление сведений о казахском народе осуществлялось лицами, которые по долгу службы взаимодействовали с ним, подготавливали описательные и картографические работы (С. У. Ремезов, А. Бекович-Черкасский, И. Д. Бухгольц и др.) [История отечественного востоковедения, 1990: 38–39, 44–45]. Для преодоления проблемы неизученности этих территорий перед созданной в 1734 г. Оренбургской экспедицией была поставлена задача географического, геологического и этнографического исследования казахской степи [Лысенко, Анисимова, Тарасова, Стурова, 2014: 103].

После включения степных территорий в состав России интерес образованной части российского общества к казахской проблематике значительно возрос. С середины XVIII в. изучение новоприобретенного этнорегиона в империи было обусловлено не только практическими потребностями государства, но и изменениями, произошедшими под влиянием философии Просвещения в общественном сознании [Куприянов, 2006: 127–128].

В рассматриваемый период в России сложилось два направления историографии казахского этнорегиона: академическое и практическое. Представителями первого направления являлись, как правило, известные исследователи общеевропейского масштаба (В. Н. Татищев, П. С. Паллас, И. Г. Георги, А. И. Левшин и др.). Практическое направление историографии региона было представлено в основном официальными лицами — военными и чиновниками пограничной администрации (П. И. Рычков, И. Г. Андреев, С. Б. Броневский и др.) [Лысенко, Анисимова, Тарасова, Стурова, 2014: 103].

В первую очередь очевидцы отмечали у казахов развитое кочевое скотоводство, которое составляло «богатство» казахского народа, важнейшую отрасль его экономики и основывалось на разведении лошадей и овец, верблюдов, коз, крупного рогатого скота [Паллас, 1773: 581; Рычков, 1887: 101]. Преобладание скотоводства в хозяйственной деятельности казахского народа, по мнению путешественников второй половины XVIII в., было результатом природно-климатических условий степной местности. Так, И. Г. Георги считал, что казахский народ «о земледелии <...> которое и без того в большей части сухих и солончаками изобильных степей было бы неприбыльно <...> и не думает» [Георги, 2007: 234]. Среди прочих отраслей хозяйства казахов-кочевников некоторые российские исследователи называли охоту, домашние промыслы (изготовление предметов обихода, обработку скотоводческого сырья, слабо развитое кузнечное ремесло), но только в качестве побочных занятий [Паллас, 1773: 585; Георги, 2007: 236–238].

Большое внимание в своих трудах российские наблюдатели уделяли торговле и изучению казахского рынка. По их оценкам, главными статьями вывоза из степи были скот и продукты животноводства (невыделанные кожи, верблюжья шерсть, войлок), пушнина, а также невольники [Георги, 2007: 244; Рычков, 1887: 233]. Из России в степь ввозились пользовавшиеся широким спросом у казахского населения русские ткани — шерстяные и хлопчатобумажные, металлические изделия (кухонная утварь, швейная фурнитура, украшения и др.), продукты питания (мука, крупы, сахар и др.). Из среднеазиатских государств казахи покупали текстильную продукцию и оружие. Торговля являлась меновой, мерилем стоимости товара выступали овцы [Георги, 2007: 243–244].

По мнению И. Г. Георги, значимую отрасль экономики части казахского общества составляли набеги. В эти занятия были вовлечены не только отдельные «шайки», но и целые аулы («улусы»). Жертвами казахских набегов становились их соседи: каракалпаки, бухарцы, персы, туркмены, калмыки, российские подданные. Последних, по свидетельству ученого, продавали в Бухару для сельскохозяйственных работ. На российские же рынки казахи привозили невольников из туркмен и кызылбашей [Георги, 2007: 237, 244].

Таким образом, к последней четверти XVIII в. оценка экономики казахского этнорегиона в восприятии имперской интеллектуальной элиты не претерпела значительных изменений — в глазах российского общества казахи продолжали оставаться главным образом кочевниками-скотоводами, разбойниками. Вместе с тем расширение межэтнических контактов, научное изучение региона и развитие российско-казахской торговли и транзитной торговли через степь способствовали появлению и распространению в империи знаний о домашних промыслах и внутреннем рынке казахов.

Начиная с 80-х гг. XVIII в. российские власти начали мероприятия по инкорпорации территорий Младшего и Среднего жузов в общегосударственную систему управления империи, результатом которых стали окончательная ликвидация политической самостоятельности казахского этнорегиона, введение новой системы административно-территориального управления, налогообложения и судопроизводства в 20-х гг. XIX в. [Лысенко, Анисимова, Тарасова, Стурова, 2014: 53–60; Сулейменов, Басин, 1981: 119–123]. Одновременно с политическими преобразованиями обозначились изменения в социально-экономической сфере жизни казахского общества. Углубление процессов социальной и имущественной дифференциации аульной общины, зависимость кочевого хозяйства от природных катаклизмов, российская политика изъятия пастбищных угодий обусловили маргинализацию части казахского общества и способствовали формированию новой социальной категории населения — джатачества. Основным источником существования джатаков стало отходничество [Лысенко, Анисимова, Тарасова, Стурова, 2014: 106–107]. Среди других заметных изменений в экономике и образе жизни казахского народа в начале XIX в. следует назвать устройство постоянных зимних жилищ (кстау), развитие сенокосения, занятие земледелием [Сулейменов, Басин, 1981: 142].

В восприятии очевидцев, скотоводство составляло основу казахской экономики, а скот продолжал считаться «богатством» казахского народа [Андреев, 1998: 33; Ледебур, Бунге, Мейер, 1993: 326]. Как и ранее, ведущую роль скотоводства в экономике казахов исследователи связывали с неблагоприятными для развития земледелия природно-климатическими условиями степи [Левшин, 1996: 380]. Авторы скрупулезно собирали сведения о местах летних и зимних кочевков казахов, времени и маршрутах перекочевков, порядке выпаса скота, его количестве. Кочевой образ жизни казахского народа воспринимался российскими наблюдателями уже не хаотичным перемещением по степи, а выработанной в течение веков четкой схемой движения, привязанной к климату и ландшафту местности.

Очевидцы уже не подвергали сомнению существование в казахской степи земледелия. Так, еще в конце XVIII в. И. Г. Андреев отмечал у населения Среднего жуза существование сельскохозяйственного хозяйства: «киргисцы начинают пахать землю, и сеют хлеб, пшеницу, ячмень и просу» [Андреев, 1998: 77]. Российские исследователи предприни-

мали попытки выявить факторы, влияющие на развитие земледелия в степи. Внимательное акцентировалось на внутренних причинах: природные катаклизмы, массовые падежи скота, а также барымта приводили к обеднению части казахского населения, которая была вынуждена искать новые источники существования и обращалась к занятию земледелием. Я. П. Гавердовский, Е. К. Мейендорф и другие наблюдатели подчеркивали, что занятие земледелием и некоторыми другими промыслами в казахском обществе являлось признаком нищеты [Гавердовский, 2007: 484; Мейендорф, 1975: 39].

Помимо этого, К. А. Мейер отмечал благотворное влияние русских поселенцев на развитие хозяйства казахов: последние начали заниматься земледелием, оценили целесообразность заготовки сена, изъявили желание построить деревянные дома для постоянного проживания в зимнее время [Ледебур, Бунге, Мейер, 1993: 318]. Об успешном опыте усвоения казахами навыков земледелия сообщали и другие очевидцы [Броневский, 2005: 38–39; Гавердовский, 2007: 484–488].

Важное место в казахской экономике, по мнению наблюдателей, в связи с развитием российско-казахской торговли стали занимать охота и рыболовство, к последнему, как и к земледелию, обращалась обедневшая часть степного населения [Гавердовский, 2007: 479–480; Ледебур, Бунге, Мейер, 1993: 327–328]. Среди ремесел авторы выделяли изготовление предметов домашнего обихода, обработку скотоводческого сырья (выделку кож, изготовление армячины, войлока, ковров, веревок и др.), слабо развитую металлообработку [Левшин, 1996: 385–387]. Рассматривая экономическую деятельность отходников-джатаков, наблюдатели отмечали, что данная социальная категория казахов зарабатывала преимущественно выпасом скота в крестьянских и казачьих хозяйствах, а также «воровством, ибо особенно известны как конокрады» [Ледебур, Бунге, Мейер, 1993: 36].

Важное место в публикациях российских путешественников занимали вопросы торговли (русско-казахской, казахско-среднеазиатской, внутри Степи), описание мест и видов торговли (стационарная, ярмарочная и развозная), номенклатура местной и ввозимой в степь продукции. По оценке российских наблюдателей, торговля в регионе находилась в состоянии «младенчества», т. е. неразвитости, отмечался ее меновый характер. Из степи вывозились прежде всего скот и продукты скотоводства (овцы, лошади, рогатый скот, верблюды, козы, козий пух, шерсть, шкуры животных), пушнина [Левшин, 1996: 389]. Среди товаров из России наибольшим спросом пользовались хлеб, ткани, юфтевые кожи, кухонная утварь, швейная фурнитура, табак, предметы роскоши. Из среднеазиатских ханств ввозили хлеб, готовую одежду, ткани, украшения, оружие и боеприпасы. Внутреннюю торговлю в Степи российские авторы оценивали как слабо развитую, преобладал обмен скота и пленных на ввозные товары [Гавердовский, 2007: 492, 494].

По мнению очевидцев, одну из значимых отраслей экономики казахского региона составляла торговля невольниками. Источником их пополнения становились набеги на соседние со Степью территории. Национальный состав рабов был широким — среди них встречались россияне, каракалпаки, калмыки, персы, китайцы. Торговля велась в двух направлениях: среднеазиатском (Хива, Бухара, Ташкент) и российском (приграничные меновые дворы) [Андреев, 1998: 45; Гавердовский, 2007: 495].

С 80-х гг. XVIII в. российские авторы стали обращать внимание на роль в экономике казахов института барымты, который в их понимании трактовался как санкционированный нормами адата угон скота в качестве мести за обиду или компенсации за причиненный ущерб. Социально-экономические последствия действия этого обычая оценивались наблюдателями негативно. Так, И. Г. Андреев отмечал, что в результате многолетней взаимной барымты «одна сторона другую до того доводит, что уже все табуны у нее отгонят и приведена будет в крайнее разорение и бедность» [Андреев, 1998: 58].

Таким образом, в начале XIX столетия в оценках имперской интеллектуальной элиты экономика казахского народа основывалась на кочевом скотоводстве, пушном промысле и набегах. По мнению наблюдателей, земледелие, рыболовство и другие промыслы не играли в хозяйственной деятельности казахского народа значительной роли. Торговля, несмотря на возросшие масштабы, оценивалась исследователями как неразвитая и не включалась ими в число главных отраслей экономики жителей степи. Барымта как норма обычного права рассматривалась наблюдателями, с одной стороны, как разрушительный фактор для экономики, с другой — как средство обогащения для отдельной части казахского общества.

В 1830–1840-х гг. обозначились новые тенденции в политике империи в казахском этнорегионе. Российскими властями был взят курс на создание многоуровневой структуры местного самоуправления и введение выборных начал в Степи, реализованный введением Положений об управлении оренбургскими киргизами 1844 и 1859 гг., внесением в 1855 г. поправки в Устав о сибирских киргизах [Лысенко, Анисимова, Тарасова, Стурова, 2014: 66–76]. Происходили изменения в структуре экономики казахского народа. Значительное развитие получило земледелие, как у пограничной линии, так и во внутренних районах степи. Ремесло из домашнего промысла превратилось в отдельную экономическую отрасль, наметилась специализация ремесленного производства в различных районах. Большое распространение получило ростовщичество, что способствовало переходу части казахского населения в социальную категорию джатаков [Бекмаханов, 1992: 56–71]. Внешняя политика России на юго-восточном направлении в 30–60-е гг. XIX в. характеризовалась наращиванием военного и политического присутствия в Степи, вызванным обострением англо-русского соперничества в Центральной Азии и стремлением прекратить набеги среднеазиатских ханств. К середине 1860-х гг. Старший казахский жуз был включен в состав Российской империи [Бекмаханов, 1992: 115–116; Сулейменов, Басин, 1981: 126–130].

Накопление на протяжении XVIII — середины XIX в. знаний о казахском народе в российском обществе обусловило к 1860-м гг. новые оценки имперскими интеллектуалами хозяйственной деятельности населения Степи. Главным занятием казахского народа очевидцы считали кочевое скотоводство, что, по их мнению, было обусловлено природно-географическими особенностями степи. Анализируя состояние хлебопашества в степи, российские наблюдатели выделяли переложное и орошаемое земледелие. Среди выращиваемых казахами культур авторы называли просо, ячмень, пшеницу, рожь, упоминали о попытках разведения хлопка, марены, риса. В целом, авторы позитивно оценивали развитие земледелия в регионе [Мейер, 1865: 97–99, 106, 112, 130].

Значительное распространение получило рыболовство. К занятию рыбной ловлей прибегала обедневшая часть казахского общества. Так, Н. И. Красовский отмечал, что этим промыслом занимаются «почти исключительно джатаки». Вместе с тем автор упомянул о существовании рыбопромышленников из числа состоятельных казахов, однако их количество было невелико — подавляющая часть улова приходилась на долю казаков и русских крестьян [Красовский, 1868: 131]. По свидетельству российских наблюдателей, широкий размах у населения степи получило отходничество. Казахи чаще сего нанимались в хозяйства казаков и русских поселенцев в качестве пастухов, реже — для земледельческих работ или рыбного промысла. Также жители степи нередко предлагали свои услуги по сопровождению и охране караванов российских и среднеазиатских торговцев [Бларамберг, 1848: 103–104]. Среди других занятий казахов наблюдатели отмечали охоту, домашние промыслы: выделку кожи, изготовление войлока, армячины и других бытовых предметов, слабо развитое кузнечное, паяльное, ювелирное дело [Бларамберг, 1848: 100–101; Гейнс, 1897: 157–162].

Важное место в экономике казахского народа занимала торговля невольниками. Помимо набегов на своих соседей, источником пополнения рабства для казахов стало служить пиратство на Каспийском море. Г. С. Карелин сообщал о захвате в плен только в 1830–1831 гг. более 200 российских моряков [Карелин, 1883: 153–157]. Однако в 60-е гг. XIX в. этот вид экономической деятельности потерял свою значимость, авторы упоминали о нем только в прошедшем времени [Гейнс, 1897: 176–177].

Оценивая влияние барымты на экономическую деятельность казахов, наблюдатели подчеркивали деградацию ее как правового института и превращение ее в предлог для грабежа, приобретшего огромные масштабы. Так, А. К. Гейнс отмечал, что обедневшие кочевники «составляли особенные общества грабителей, которые соединялись вместе и под предлогом баранты они угоняли скот у всех богатых киргиз, а нередко производили набеги на соседние земли и на купеческие караваны под предлогом взимания пошлин за пропуск через свои кочевья. Таким образом в степи начало развиваться хищничество во всех его видах и дошло до того, что грабежи начались уже без всяких поводов и такая добыча служила для многих киргизов долгое время единственным источником существования». Вместе с тем автор отмечал значительное сокращение барымты к 1860-м гг., вызванное карательными мерами против нее российского правительства [Гейнс, 1897: 69–71].

Большое внимание в трудах исследователей уделялось вопросам торговли. По свидетельствам путешественников, внутренняя торговля в Степи была меновой, в качестве меры стоимости казахами использовался трехлетний баран. Торговля носила разъездной характер и осуществлялась купцами и их приказчиками. Мелкая торговля в Степи проходила в меновых дворах и лавках в российских фортах. Там русские купцы обменивали сахар, муку, алкоголь, ткани, изделия из металла на казахский скот и продукты скотоводства. Среднеазиатские торговцы привозили в форты преимущественно ткани, одежду, обувь, чай, орехи, сухофрукты и другую продукцию. В целом, отмечалась неизученность внутренней торговли в степи [Мейер, 1865: 172–177]. Из степи в Россию вывозились преимущественно скот и продукты скотоводства: мерлушки, козий пух, конский волос, шерсть и изделия из нее, кожи сырые и выделанные, рыба, пшеница, соль

и другие товары. Среди российской продукции, имевшей значительный спрос у казахов, следует назвать хлеб, табак, чай, глиняную посуду, кредитные билеты, алкоголь, лекарственные средства и прочие товары [Мейер, 1865: 187–194]. Из Средней Азии в Российскую империю ввозили хлопчатобумажные ткани, шелк и изделия из него, украшения, оружие, свинец, порох, серу, селитру [Гейнс, 1897: 176].

Таким образом, к середине XIX в. экономика казахского народа оценивалась российскими исследователями как совокупность развивающихся отраслей. Хотя, по оценкам наблюдателей, ведущую роль в ней играло кочевое скотоводство, значимое место занимали земледелие, рыболовство, отходничество, торговля. Определенные позиции в экономике имели торговля невольниками и барымта, однако к 1860-м гг. в связи с усилением российского военного присутствия в Степи они утратили свое значение.

Насколько вышеописанные оценки хозяйственной деятельности казахского народа были объективны и чем они были обусловлены? Приобщение образованной части российского общества к имперской европейской идентичности способствовало восприятию идеи о принадлежности к «цивилизованному миру» и «цивилизованности», которые противопоставлялись в европейской философии «варварству» восточных народов. В российской интеллектуальной среде началось формирование представлений о «цивилизаторской миссии» по отношению к нерусским народам империи, которая заключалась в том, что «культурную отсталость» можно преодолеть при помощи государственного вмешательства [Джампеисова, 2015: 130–131]. Таким образом, оценки экономической деятельности казахского народа российскими наблюдателями действительно были не лишены налета высокомерия просвещенного европейца по отношению к нецивилизованному кочевнику. Однако не следует считать, что наблюдения путешественников лишены объективных оснований в принципе. Будучи носителями просветительского мировоззрения, исследователи стремились проникнуть в «истинную природу» наблюдаемого ими народа, а потому пытались давать беспристрастное объяснение увиденным явлениям, хотя восприятие сквозь призму просветительских концепций в некоторой степени лишало получаемое знание объективности.

Восприятие экономики коренного населения степи на протяжении XVIII — середины XIX в. не было статичным и эволюционировало под влиянием политических и социально-экономических изменений в казахском обществе, сложившихся в результате российской политики в регионе, так и мировоззренческих взглядов имперской интеллектуальной элиты. Оценки хозяйственной деятельности казахского народа начали формироваться у образованной части российского общества в начале XVIII в. Их появление было связано с активизацией внешней политики на юго-восточном направлении и дальнейшим включением Малого и Среднего жузов в состав Российской империи. Крайне низкий уровень знаний о казахском народе в российской интеллектуальной среде обусловил расплывчатость этих суждений и вызвал необходимость изучения и накопления знаний о казахской степи и ее населении. В течение XVIII — середины XIX в. исследователями было написано большое количество работ, отражающих восприятие экономической деятельности казахов российскими путешественниками. На процесс восприятия имперской интеллектуальной элитой

экономики казахского народа как объективные (политические и социально-экономические изменения в казахском обществе, сложившиеся в результате российской политики в регионе), так и субъективные (просвещенческое мировоззрение имперских интеллектуалов) факторы. В течение рассматриваемого периода наблюдателями постепенно отмечалась диверсификация видов экономической деятельности казахов, социальное расслоение казахского общества и появление новых социальных категорий населения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Андреев И. Г. Описание Средней Орды киргиз-кайсаков. Алматы : Гылым, 1998. 280 с.
- Бекмаханов Е. Б. Казахстан в 20–40 годы XIX века. Алма-Ата : Ызақ университеті, 1992. 400 с.
- Бларамберг И. Ф. Военно-статистическое обозрение земли киргиз-кайсаков Внутренней (Букеевской) Орды и Зауральской (Малой) орды Оренбургского ведомства // Военно-статистическое обозрение Российской империи. СПб. : Типография Департамента Генерального штаба, 1848. Т. 14, ч. 3. 193 с.
- Броневский С. Б. О казахах Средней Орды. Павлодар : ТОО «ЭКО», 2005. 168 с.
- Гавердовский Я. П. Обозрение Киргиз-кайсацкой степи (часть 2-я), или Описание страны и народа киргиз-кайсацкого // История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. V: Первые историко-этнографические описания казахских земель. Первая половина XIX века. Алматы : Дайк-пресс, 2007. С. 283–495.
- Гейнс А. К. Собрание литературных трудов Александра Константиновича Гейнса. Т. 1. СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1897. 589 с.
- Георги И.-Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. СПб. : Русская симфония, 2007. 808 с.
- Горбунова С. В. Эволюция образа казахов в контексте интеграции степного фронта Российской империи // Вестник Нижневартковского гос. ун-та. 2019. № 3. С. 33–39.
- Джампеисова Ж. Дискурсы о скотоводстве и хлебопашестве в «степной» колониальной политике России в XIX веке // Кочевые народы Центральной Евразии XVIII–XIX вв.: сравнительно-исторический анализ политики Российской империи. Алматы : Қазақ университеті, 2015. С. 130–143.
- История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. III: Журналы и служебные записки дипломата А. И. Тевкелева по истории и этнографии Казахстана (1731–1759). Алматы : Дайк-пресс, 2005. 484 с.
- История отечественного востоковедения до середины XIX века. М. : Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. 435 с.
- Карелин Г. С. Путешествия Г. С. Карелина по Каспийскому морю. СПб. : Типография Императорской Академии наук, 1883. 497 с.
- Кирилов И. К. Изъяснение о Киргиз-Кайсацкой и Каракалпакской ордах: проект // Полное собрание законов Российской империи: Собрание первое: С 1649 по 12 декабря 1825 года. СПб. : Типография 2-го Отделения Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. Т. IX, № 6571. С. 309–317.

Красовский Н. И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Область сибирских киргизов. СПб. : Типографии Траншеля, Ретгера и Шнейдера, 1868. Ч. II. 498 с.

Куприянов П. С. Образы «дикарей» в записках русских путешественников начала XIX века: абстракция и реальность // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 3. М., 2006. С. 124–143.

Левшин А. И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Алматы : Санат, 1996. 656 с.

Ледебур К. Ф., Бунге А. А., Мейер К. А. Путешествие по Алтайским горам и Джунгарской Киргизской степи. Новосибирск : ВО «Наука», Сибирская издательская фирма, 1993. 415 с.

Лысенко Ю. А., Анисимова И. В., Тарасова Е. В., Стурова М. В. Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX — начало XX в.). Барнаул : АЗБУКА, 2014. 272 с.

Мейендорф Е. К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. М. : Наука, 1975. 182 с.

Мейер Л. Л. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Киргизская степь Оренбургского ведомства. СПб. : Типографии Э. Веймара и Ф. Персона, 1865. 420 с.

Паллас П. С. Путешествие по разным местам Российского государства по повелению Санкт-Петербургской императорской академии наук. Часть первая. СПб. : при Императорской Академии Наук, 1773. 786 с.

Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. Оренбург : Типография Б. Бреслина, 1887. 405 с.

Слезкин Ю. Естествоиспытатели и нации: русские ученые XVIII века и проблема этнического многообразия // Российская империя в зарубежной историографии. М. : Новое издательство, 2005. С. 120–154.

Сулейменов Б. С., Басин В. Я. Казахстан в составе России в XVIII — начале XX века. Алма-Ата : Наука, 1981. 247 с.

Сухих О. Е. Образ казаха-кочевника в русской общественно-политической мысли в конце XVIII — первой половине XIX века : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2007. 24 с.

Татищев В. Н. Экстракт ис полученных известий о киргис-кайсацких и башкирских оброчениях. 12 августа 1738 г. // История Казахстана в документах и материалах: Альманах. Вып 2. Астана : ТОО «Общество инвалидов — Чернобылец», 2012. С. 15–63.

Файзуллина О. О. Образ казахов Оренбургского края в региональной справочной литературе XIX — первой четверти XX в. // Вестник Ленинградского гос. ун-та имени А. С. Пушкина. 2014. Т. 4, № 2. С. 114–122.

REFERENCES

Andreev I. G. Opisanie Srednei Ordy kirgiz-kaisakov [Description of the Middle Horde of the Kirghiz Kaisaks]. Almaty: Gylym, 1998, 280 s. (in Russian).

Bekmakhanov E. B. Kazakhstan v 20–40 gody XIX veka [Kazakhstan in the 20–40s of the XIX century]. Alma-Ata: Џazaǵ universiteti, 1992, 400 s. (in Russian).

Blaramberg I. F. Voенно-statisticheskoe obozrenie zemli kirgiz-kaisakov Vnutrennei (Bukeevskoi) Ordy i Zaural'skoi (Maloi) ordy Orenburgskago vedomstva [Military Statistical Review of the Kyrgyz Kaisak Land of the Inner (Bukeevsky) Horde and Trans-Ural (Lesser) Horde of the Orenburg Office]. Voенно-statisticheskoe obozrenie Rossiiskoi imperii [Military Statistical Review of the Russian Empire]. SPb.: v Tipografii Departamenta General'nago shtaba, 1848, Vol.14, P.3, 193 s. (in Russian).

Bronevskii S. B. O kazakhakh Srednei Ordy [About the Kazakhs of the Middle Horde]. Pavlodar: LLP "EKO", 2005, 168 s. (in Russian).

Gaverdovskii Ia. P. Obozrenie Kirgiz-kaisatskoi stepi (chast' 2-ia) ili Opisanie strany i naroda kirgiz-kaisakskogo [Review of the Kyrgyz-Kaisak steppe (part 2) or Description of the country and people of the Kyrgyz-Kaisak]. Istoriia Kazakhstana v russkikh istochnikakh XVI–XX vekov. T. V: Pervye istoriko-etnograficheskie opisaniiia kazakhskikh zemel'. Pervaia polovina XIX veka [History of Kazakhstan in Russian sources of the XVI–XX centuries. Vol. V: The first historical and ethnographic descriptions of the Kazakh lands. First half of the 19th century]. Almaty: Daik-press, 2007. S. 283–495 (in Russian).

Geins A. K. Sobranie literaturnykh trudov Aleksandra Konstantinovicha Geinsa. T. 1 [A collection of literary works by Alexander Konstantinovich Geins. Vol.1]. SPb.: Tipografiia M. M. Stasiulevicha, 1897, 589 s. (in Russian).

Georgi I.-G. Opisanie vsekh obitaiushchikh v Rossiiskom gosudarstve narodov: ikh zhiteiskikh obriadov, obyknovenii, odezhd, zhilishch, uprazhnenii, zabav, veroispovedanii i drugikh dostopamiatnostei [Description of all peoples living in the Russian state, their everyday rituals, wont, clothes, dwellings, exercises, amusements, creeds and other memorabilities]. SPb.: Russkaia simfoniia, 2007. 808 s. (in Russian).

Gorbunova S. V. Evoliutsiia obraza kazakhov v kontekste integratsii stepnogo frontira Rossiiskoi imperii [The evolution of the image of the Kazakhs in the context of the integration of the steppe frontier of the Russian Empire]. Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta [The Bulletin of Nizhnevartovsk State University]. 2019, no 3. S. 33–39 (in Russian).

Dzhampeisova Zh. Diskursy o skotovodstve i khlebopashestve v "stepnoi" kolonial'noi politike Rossii v XIX veke [Discourses on cattle breeding and arable farming in the "steppe" colonial policy of Russia in the 19th century]. Kochevye narody Tsentral'noi Evrazii XVIII–XIX vv.: sravnitel'no-istoricheskii analiz politiki Rossiiskoi imperii [Nomadic peoples of Central Eurasia in the 18th — 19th centuries: a comparative historical analysis of the policy of the Russian Empire]. Almaty: Kazak universiteti, 2015. S. 130–143 (in Russian).

Istoriia Kazakhstana v russkikh istochnikakh VI–XX vekov. T. III: Zhurnaly i sluzhebnye zapiski diplomata A. I. Tevkeleva po istorii i etnografii Kazakhstana (1731–1759) [The history of Kazakhstan in Russian sources of the 16th — 20th centuries. Vol. III: Magazines and notes of the diplomat A. I. Tevkelev on the history and ethnography of Kazakhstan (1731–1759)]. Almaty: Daik-Press, 2005, 484 s. (in Russian).

Istoriia otechestvennogo vostokovedeniia do serediny XIX veka [The history of Russian Oriental studies until the middle of the XIX century]. M.: Nauka. Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury, 1990, 435 s. (in Russian).

Karelin G. S. Puteshestviia G. S. Karelina po Kaspiiskomu moriu [Travel of G. S. Karelin on the Caspian Sea]. SPb.: Tipografia Imperatorskoi Akademii nauk, 1883, 497 s. (in Russian).

Kirilov I. K. Proekt. Iz'iasnenie o Kirgis-Kaisakskoi i Karakalpakskoi ordakh [Project. Explanation of the Kirgis-Kaisak and Karakalpak hordes]. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii: Sobranie pervoe: S 1649 po 12 dekabria 1825 goda [Complete collection of laws of the Russian Empire, since 1649: the first Assembly: December 12, 1825]. SPb.: Tipografia 2-go Otdeleniia Sobstv. E. I. V. Kantseliarii, 1830, Vol. IX, № 6571. S. 309–317 (in Russian).

Krasovskii N. I. Materialy dlia geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami General'nogo shtaba. Oblast' sibirskikh kirgizov [Materials for geography and statistics of Russia, collected by officers of the General Staff. Siberian Kirghiz region]. SPb.: Tipografii Transhelii, Retgera i Shneidera, 1868, Part II, 498 s. (in Russian).

Kupriianov P. S. Obrazy “dikarei” v zapiskakh russkikh puteshestvennikov nachala XIX veka: abstraktsiia i real'nost' [Images of “savages” in the notes of Russian travelers of the beginning of the 19th century: abstraction and reality]. Rossiia i mir glazami drug druga: iz istorii vzaimovospriiatii [Russia and the world through the eyes of each other: from the history of mutual perception]. M., 2006, iss. 3. S. 124–143 (in Russian).

Levshin A. I. O pisanie kirgiz-kazach'ikh, ili kirgiz-kaisatskikh, ord i stepei [Description of the Kyrgyz-Cossack, or Kyrgyz-Kaisatsky, hordes and steppes]. Almaty: “Sanat”, 1996, 656 s. (in Russian).

Ledebur K. F., Bunge A. A., Meier K. A. Puteshestvie po Altaiskim goram i Dzhungarskoi Kirgizskoi stepi [Traveling in the Altai Mountains and the Dzungarian Kyrgyz steppe]. Novosibirsk: VO “Nauka”, Sibirskaia izdatel'skaia firma, 1993, 415 s. (in Russian).

Lysenko Iu. A., Anisimova I. V., Tarasova E. V., Sturova M. V. Traditsionnoe kazakhskoe obshchestvo v natsional'noi politike Rossiiskoi imperii: kontseptual'nye osnovy i mekhanizmy realizatsii (XIX — nachalo XX v.) [Traditional Kazakh society in the national politics of the Russian Empire: conceptual foundations and implementation mechanisms (XIX — early XX centuries)]. Barnaul: Azbuka, 2014. 272 s. (in Russian).

Meiendorf E. K. Puteshestvie iz Orenburga v Bukharu [Travel from Orenburg to Bukhara]. M.: Nauka, 1975. 182 s. (in Russian).

Meier L. L. Materialy dlia geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami General'nogo shtaba. Kirgizskaia step' Orenburgskogo vedomstva [Materials for geography and statistics of Russia, collected by officers of the General Staff. Kyrgyz steppe of the Orenburg department]. SPb.: Tipografii E. Veimara i F. Persona, 1865. 420 s. (in Russian).

Pallas P. S. Puteshestvie po raznym mestam Rossiiskogo gosudarstva po povelenniu Sankt-Peterburgskoi imperatorskoi akademii nauk. Chast' pervaiia [Traveling to different places of the Russian state at the behest of the St. Petersburg Imperial Academy of Sciences. Part one]. SPb.: pri Imperatorskoi Akademii Nauk, 1773. 786 s. (in Russian).

Rychkov P. I. Topografia Orenburgskoi gubernii [Topography of the Orenburg province]. Orenburg: Tipografia B. Breslina, 1887. 405 s. (in Russian).

Slezkin Iu. Estestvoispytатели i natsii: russkie uchenye XVIII veka i problema etnicheskogo mnogoobraziia [Naturalists versus Nations: Eighteenth-century Russian scholars confront ethnic diversity]. Rossiiskaia imperiia v zarubezhnoi istoriografii [Russian Empire in foreign historiography]. M.: Novoe Publ., 2005. S. 120–154 (in Russian).

Suleimenov B. S., Basin V. Ia. Kazakhstan v sostave Rossii v XVIII — nachale XX veka [Kazakhstan as part of Russia in the XVIII — early XX century]. Alma-Ata: Nauka, 1981. 247 s. (in Russian).

Sukhikh O. E. Obraz kazakha-kochevnika v russkoi obshchestvenno-politicheskoi mysli v kontse XVIII — pervoi polovine XIX veka. Avtoref. kand. ist. nauk [The image of a Kazakh nomad in Russian socio-political thought at the end of the XVIII — the first half of the XIX century. Ph.D. Thesis in History]. Omsk, 2007. 24 s. (in Russian).

Tatishchev V. N. Ekstrakt is poluchennykh izvestiev o kirgis-kaisatskikh i bashkirskikh obrascheniakh. 12 avgusta 1738 g. [Extract from limes obtained from Kyrgyz-Kaisatsky and Bashkir subdivisions. August 12, 1738]. Istoriia Kazakhstana v dokumentakh i materialakh: Al'manakh [History of Kazakhstan in documents and materials: Almanac]. Astana: TOO "Obshchestvo invalidov — Chernobylets", 2012, iss. 2. S. 15–63 (in Russian).

Faizullina O. O. Obraz kazakhov Orenburgskogo kraia v regional'noi spravochnoi literature XIX — pervoi chetverti XX v. [The image of the Kazakhs of the Orenburg Territory in the regional reference literature of the XIX — first quarter of the XX century]. Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina [The Bulletin of Leningrad State University named after Alexander Pushkin]. 2014, Vol. 4, no 2. S. 114–122 (in Russian).

Цитирование статьи:

Гундова О. Е. Российская интеллектуальная элита XVIII — середины XIX в. об экономике казахов // Народы и религии Евразии. 2020. №4 (25). С. 98–111.

Citation:

Gundova O. E. Russian intellectual elite of the XVIII — middle of XIX centuries about the economy of the kazakhs. Nations and religions of Eurasia. 2020. №4 (25). P. 98–111.
